

Н.С. Малышева

Франко-германские переговоры по плану Шумана в 1950–1951 гг.: поиски компромисса

9 мая 1950 г. министр иностранных дел Франции Р. Шуман выступил с предложением о частичном слиянии экономик Германии и Франции. Угольная и сталелитейная промышленности обеих стран должны были перейти под контроль некоего наднационального органа. Основной же целью предложения Шумана было не заключение сделки в угольной и сталелитейной промышленности, а завершение многолетней вражды между Францией и Германией и предупреждение возможной войны в будущем. Сама идея урегулирования франко-германских противоречий путем интеграции была разработана Ж. Монне и с энтузиазмом воспринята правительством США, во многом определявшим послевоенную политику западноевропейских государств.

Возможность воплотить эту идею появилась еще осенью 1949 г., когда после создания двух германских государств рельефно обозначилась задача включения ФРГ в европейские экономическую и политическую системы. Первый канцлер ФРГ К. Аденауэр заявил о своем намерении сотрудничать с западными союзниками, нормализовать отношения с Францией, а в дальнейшем не исключал возможности присоединения Западной Германии к таким международным организациям, как Совет Европы, Международный валютный фонд и др. Но, несмотря на демонстрируемую Аденауэром готовность к самому широкому сотрудничеству, ряд американских и европейских политиков неоднозначно оценивали его приход к власти. В частности, начальник отдела планирования внешней политики США Дж. Кеннан не был уверен в том, что Германия состоится как демократическая республика. Теперь, когда ФРГ имеет собственное правительство, полагал он, республика может переоценить свое значение в системе международных отношений и попытаться проводить труднопрогнозируемую внешнюю политику. Единственный способ сдержать германские амбиции – это направить их на создание объединенной Европы [1, р. 13].

Госсекретарь США Д. Ачесон, чьи взгляды играли большую роль во внешней политике США, в том числе в ее европейском направлении, придерживался того же мнения. Создание ГДР побудило госсекретаря к активным действиям, поскольку он считал, что «Кремль будет пытаться оказывать влияние на новое правительство ФРГ, для того чтобы отвлечь молодое государство от задачи политической и экономической интеграции в Западную Европу» [1, р. 17]. Именно

сейчас, полагал Д. Ачесон, настало время поддержать таких немецких политиков, как К. Аденауэр, выражающего готовность к образованию «новой» Европы, элементом которой станет демократическая ФРГ. Кроме того, то обстоятельство, что США в 1949 г. лишились монополии на атомное оружие, могло, по мнению американских политиков, вызвать кризис доверия Европы к США.

Создание «новой» Европы предполагало лидерство в интеграционном процессе Франции, так как США были не в состоянии взять на себя главенствующую роль по причине их удаленности от европейского континента. «Ни одна страна не имеет такого печального опыта общения с Германией, как Франция», – писал Д. Ачесон. – Ей пора взять на себя инициативу, для того чтобы интегрировать Германию в Западную Европу...» [1, р. 24]. Чтобы Париж не воспринял это утверждение как отказ США от участия в делах Франции, госсекретарь уточнил, что американская политика заключается в более тесном взаимодействии в рамках Североатлантического альянса. Тем самым Д. Ачесон предлагал гарантии обеспечения безопасности Франции в обмен на ее роль инициатора в европейской интеграции.

В этих обстоятельствах предложение Франции обсудить создание Европейского объединения угля и стали явилось для США, по выражению американского исследователя Дж. Харпера, «манной небесной» [2, р. 287]. К участию в этой организации, помимо Франции и ФРГ, были приглашены все желающие европейские страны. 10 мая 1950 г. Ачесон докладывал президенту Г. Трумэну, что «предложение Франции... произвело на всех огромное впечатление. Стремление Франции достичь франко-германского соглашения и продвинуть интеграцию делает ей честь». Полагая, что Франция, неожиданно продемонстрировав политическую самостоятельность, в состоянии продолжить эту линию, Д. Ачесон считал, что, скорее всего, дальнейшего вмешательства США в процесс интеграции можно будет избежать. Госсекретарь начал убеждать европейские страны, и в первую очередь, Францию, разрабатывать текст договора самостоятельно.

Канцлер ФРГ К. Аденауэр с готовностью воспринял инициативу Франции, однако не настаивал на скорейшем начале переговоров об условиях соглашения. План Шумана являлся отличной возможностью для ФРГ повысить свой международный статус, но К. Аденауэр опасался, что торопливость Германии

может вызвать недовольство европейских соседей. Поэтому канцлер оставался в стороне от бурных дискуссий о плане Шумана. Интересы ФРГ на переговорах должен был представлять профессор права В. Хальштейн, чью кандидатуру рекомендовал сам Ж. Монне. Таким образом, на Хальштейна, далекого от дипломатии, была возложена двойная задача – защищать интересы угольной и сталелитейной промышленности ФРГ и представлять официальную линию правительства.

Переговоры между Францией, ФРГ, Италией, Бельгией, Нидерландами и Люксембургом начались 20 июня 1950 г. в Париже. Обсуждение текста договора, разработанного Ж. Монне, затянулось на несколько месяцев дольше, чем предполагалось изначально. На верховный наднациональный орган – по проекту Монне, единственный управляющий орган объединения – возлагались широкие полномочия: он должен был устанавливать размер заработной платы и условия труда работников угольной и сталелитейной промышленности, гарантировать сбыт продукции и обеспечивать расширение рынков. Кроме того, в его компетенцию должны были входить разработка и внедрение производственных программ, установление таможенных тарифов, предоставление кредитов предприятиям. Этот вариант вызвал критику со стороны других участников переговоров. Италия и страны Бенилюкс были обеспокоены тем, что французская сторона была более заинтересована франко-германским урегулированием, чем соблюдением их интересов. Поэтому Ж. Монне пришлось договариваться с каждой из стран-участниц отдельно. Люксембург, чья промышленность зависела от поставок сырья из Западной Германии, довольствовался тем, что его интересы будут представлены в Совете министров при Верховном органе. Сложнее оказалось заручиться согласием Бельгии, традиционно придерживавшейся принципов свободной торговли. После нескольких дней переговоров стороны пришли к соглашению о выплате двухпроцентного налога на прибыль в пользу бельгийских предприятий.

Специальное предложение пришлось сделать и для Италии, представлявшей особый случай среди шести участников переговоров. Ввиду нехватки сырья, географической удаленности от угольно-сталелитейного комплекса Европы и неконкурентоспособности отрасли промышленности, участие Италии в Европейском объединении угля и стали (ЕОУС) могло означать упадок собственной сталелитейной промышленности, поэтому в отношении Италии были сделаны серьезные послабления. Для итальянских промышленников предоставлялись особые тарифы и субсидии на импорт угля.

Однако с наибольшими сложностями французская делегация столкнулась при обсуждении встречных предложений ФРГ. Германский проект, подготовлен-

ный к конференции, содержал отличные от плана Монне пункты. Идея наднационального контроля сохранялась, но основной целью ЕОУС должно было стать возрождение довоенных международных картелей. Существенно усиливался авторитет Совета министров в ущерб верховному органу. Создавались два новых органа – Верховный суд и Общая Ассамблея. Верховный суд имел право пересматривать решения наднационального верховного органа, а Общая Ассамблея получала право контролировать его деятельность. Германия также предлагала сократить его полномочия: верховный орган не должен был устанавливать цены, утверждать производственные программы, участвовать в долгосрочном планировании или же навязывать свои правила справедливой конкуренции. Эти обязанности передавались ассоциациям производителей, называемым Германией «региональными группами», но по сути представлявшими собой картели. Таким образом, по проекту ФРГ центр принятия решений переходил от верховного органа к промышленникам.

В отличие от других стран-участниц переговоров, в Германии господствовало единство взглядов на будущее объединение угля и стали: эту идею поддерживало правительство, промышленники, профсоюзы, большая часть Социал-демократической партии Германии. Пользуясь этой поддержкой, германская сторона заняла жесткую позицию при обсуждении статей договора. Вместо подписания договора, запланированного Ж. Монне к августу 1950 г., переговоры пришлось продолжать долгие месяцы.

25 июня 1950 г. произошли события, несомненно, повлиявшие на исход переговоров в Париже. Война в Корее неожиданно повысила значение Западной Германии в системе европейской безопасности. С этого момента европейская интеграция стала представлять больший интерес для США с точки зрения обеспечения обороны. Объединение угольной и сталелитейной отраслей промышленности, являющихся основой военного производства, также приобретало особое значение. В связи с этим в августе 1950 г. Д. Ачесон предлагает обсудить на переговорах по плану Шуману вопросы общей обороны. Но это предложение госсекретаря не находит отклика в Госдепартаменте, поскольку включение этих вопросов в повестку дня может замедлить переговоры. Поэтому США решают действовать в одностороннем порядке. На конференции министров иностранных дел США, Великобритании и Франции, проходившей в сентябре в Нью-Йорке, госсекретарь США Д. Ачесон заявил о том, что, во-первых, Германии необходимо увеличить производство стали, а во-вторых, Америка считает необходимым вооружить четыре дивизии ФРГ [3, р. 184].

Такое заявление США свидетельствовало о намерении по возможности скорее включить ФРГ в систему европейской безопасности. Однако такое положение

вещей категорически не устраивало Францию. Ж. Монне крайне болезненно воспринял речь Д. Ачесона, полагая, что позиция Германии на переговорах станет еще непримиримей. Действительно, теперь ФРГ выступала на равных.

Переговоры, продолжившиеся в середине сентября 1950 г., проходили в атмосфере враждебности. Франция, поддерживаемая Бельгией и Люксембургом, приняла решение придерживаться более жесткой линии на переговорах, уделив особое внимание вопросу декартелизации угольной и сталелитейной промышленности. Декартелизация, на которой настаивал Ж. Монне, включала три момента: 1) размеры сталелитейных компаний; 2) степень их контроля над шахтами; 3) степень централизации продажи угля. 28 сентября Ж. Монне составил меморандум, в котором предлагал предоставить Верховному органу право разрешать и запрещать соглашения между производителями, а также слияние компаний [4, р. 208]. Меморандум от 28 сентября являлся камнем преткновения: без его одобрения всеми участниками переговорного процесса французская делегация отказывалась продолжать переговоры. Но и ФРГ, осознавая значение своей экономики для обеспечения европейской обороны, не шла на уступки. В подтверждение этому министр экономики ФРГ Л. Эрхард заявил, что ФРГ выйдут из переговоров 12 декабря 1950 г. Спустя несколько дней К. Аденауэр объявил о готовности Германии национализировать тяжелую промышленность, чтобы воспрепятствовать декартелизации.

К этому моменту Ж. Монне уже задействовал все ресурсы, чтобы привлечь к урегулированию проблемы американских посредников. 18 декабря 1950 г. он писал Р. Шуману о том, что «МакКлой готов перехватить инициативу в переговорах с Германией» [4, р. 212].

Переговоры возобновились в январе 1951 г. уже с участием американской делегации, однако германская сторона продолжала придерживаться жесткой ли-

нии. Хальштейн заявил о том, что ФРГ подпишут договор лишь в том случае, если вопрос о декартелизации и деконцентрации производства снимут с повестки дня. Лишь непосредственное вмешательство Верховного комиссара США в Западной Германии Дж. МакКлоя предотвратило срыв переговоров в Париже.

Дж. МакКлой придерживался официальной линии Госдепартамента США, возлагая всю ответственность за сложности в переговорах на германскую сторону. 12 февраля 1951 г. он писал К. Аденауэру о том, что любые попытки добиться преимуществ для ФРГ могут поставить под угрозу компромисс с Францией. Поскольку эти замечания Верховного комиссара оставались без ответа, 3 марта между ним и Аденауэром состоялся напряженный разговор, в ходе которого МакКлой упрекнул канцлера ФРГ в затягивании подписания договора [5, р. 107]. Уже на следующий день, 4 марта, США и Франция объявили о начале декартелизации. Таким образом, формально инцидент был исчерпан. 18 апреля 1951 г. состоялось подписание договора, учреждающего Европейское объединение угля и стали.

Подписанное соглашение не во всем устраивало Ж. Монне. Хотя верховный наднациональный орган становился единственным источником исполнительной власти в ЕОУС, принцип декартелизации был соблюден; но национальные правительства стран-участниц по-прежнему могли устанавливать цены на уголь и сталь, а также определять регионы сбыта продукции.

Несмотря на неоднозначные экономические последствия, план Шумана имел особое значение в политическом отношении. Учреждение Европейского объединения угля и стали сделало возможным «привязать» ФРГ к Западной Европе с минимумом затрат – без создания военно-политического союза, изменения послевоенных границ или значительных финансовых вливаний в германскую экономику.

Литература

1. Foreign Relations of the United States, 1949. Vol. 3. Western Europe. – Wash., 1975.
2. Harper J. L. American Visions of Europe: Franklin D. Roosevelt, George F. Kennan, and Dean G. Acheson. – Cambridge, 1994.

3. Foreign Relations of the United States, 1950. Vol. 3. Western Europe. – Wash., 1977.
4. Monne J. Memo. – L., 1978.
5. Roy Willis F. France, Germany and the New Europe. 1945–1963. – Stanford, 1963.